

Леонид МОСИОНЖНИК

ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В БЕССАРАБИИ XIX В.

Мы часто говорим о многонациональности как особенности молдавского общества. Однако этот фактор маскирует сложнейшие по своей сути социальные проблемы. Всё зависит от того, как она сформировалась. Условно говоря, можно выделить два основных типа формирования полиэтничного общества. Один – «американский», тип «плавильного котла», при котором любой иммигрант изначально ставится в равные стартовые условия. Заметим, что даже «теория плавильного котла» весьма ограничена: она не учитывает коренных американцев и потомков африканских рабов, энкультурировавшихся в американское общество отнюдь не на равных с белыми иммигрантами основаниях. Второй путь условно можно назвать «австрийским» или, шире, центральноевропейским. При этом каждая этническая группа изначально занимает не все социальные ниши. В результате сословия, типичные для аграрного общества, становятся этносословиями, а их социальные обусловленные роли начинают восприниматься как этнические и врожденные. Такое положение может сохраняться веками, не вызывая особых коллизий, но при переходе к индустриальному обществу оно становится источником острых конфликтов - социальных по сути, но нередко воспринимаемых в национальной оболочке. Общество, сложившееся в Бессарабии на протяжении XIX в., как мы увидим, пошло по «австрийскому» пути.

Территория Бессарабии к концу XVIII в. была почти опустошена войнами, набегами татар и хищническим управлением князей - османских ставленников. Переписи 1772-1773 и 1774 гг. показали в семи уездах, составлявших в то время наш край, всего 145 655 человек податного населения¹. При этом даже в самом крупном городе - Могилеве (ныне Отачь) - насчитывалось всего 379 домов, или около 1 900 человек (условно считая по 5 человек в одном доме, как это делает П.Г. Дмитриев). Следует учесть, что часть населения избежала переписи, поэтому автор подсчетов не усреднял цифры этих переписей, разделенных интервалом в 1–2 года, а каждый раз в случае их расхождения принимал максимальную.

За следующие 30 лет население края выросло в полтора раза - явно не без влияния внутренней миграции с западного берега Пру-

та (естественный прирост с такой скоростью не происходит), но и к 1812 г., когда край перешел в состав России, в нем жило чуть более 250 тыс. человек. Резко выросло население крупнейшего уездного центра - Орхея (со 112 до 308 домов), что сделало его крупнейшим городом края. Крайний юг (Буджакская степь) и вовсе опустел: занимавшие его татары были выселены в Крым, турки из крепостей ушли вместе с армией.

В таких условиях никакая держава (Молдова в том числе) не могла рассчитывать на прочное удержание этой территории. Поэтому русское правительство развернуло широкую программу колонизации. На пустующих землях селили болгар и гагаузов, бежавших от турецкого гнета из-за Дуная, немцев из Рейнской области и Южной Прибалтики, русских и малороссийских казаков (запорожцев и некрасовцев). Эти колонисты получали обширные земельные наделы и целый ряд льгот. В растущие города (только Кишинев, где в 1803 г. было всего 270 домов, уже через полвека стал одним из крупнейших городов империи) массами переселялись евреи из бывших польских владений. Вдобавок в область, почти свободную от крепостного права, хлынул поток крестьян из самой России, бежавших от помещиков, и власти вынуждены были признать этих новых поселенцев, которым молдавские же крестьяне помогали укрываться от поимки и высылки. Это длинная и очень интересная история, но сейчас для нас важен только результат этого процесса. Добавим лишь, что и до 1812 г. население края не было этнически однородным. Еще Д. Кантемир в «Описании Молдавии» утверждал: «Мы полагаем, что вряд ли в каком другом государстве, заключенном в столь тесных границах, как Молдавия, живет столько разных народностей. Кроме молдаван <...>, его населяют греки, албанцы, сербы, болгары, поляки, казаки, русские, венгры, германцы, армяне, евреи и плодовиные цыгане»².

Результатом стало формирование общества с резким разрывом между городом и селом, как в Латинской Америке. По переписи 1897 г., молдаване составляли 53,55 % сельского населения, но лишь 14,16 % - городского. Если же взять только те пять уездов, территория которых почти целиком входит в нынешнюю республику (Кишиневский, Бельцкий, Бендерский, Оргеевский и Сорокский), то разрыв оказывается еще сильнее: 72,70 и 16,73 % соответственно. Зато крупнейшей группой городского населения были евреи: 46,48 % горожан в тех же пяти уездах. В таких городах, как Бельцы, Оргеев, Сороки, и в некоторых посадах (например, Калараш) евреев было больше половины всего населения. Русские же селились в основном либо в губернском центре (27,01 %), либо в Бендерах, где была крепость и стоял гарнизон (34,54 %). И это еще крайне упрощенная картина: ведь

в крае переписью отмечены еще носители малорусского языка (причем, как обратил внимание молдавский этнограф В.П. Степанов, сами молдаване четко делили их на две группы: козачь и рушь. Козачь - это потомки тех, кто переселился в страну со времен казачьих войн XVI в. и позже (причем, речь идет не только о казаках в буквальном смысле). А вот с каких пор живут в Молдове рушь («русские», самоназвание - русины) - неизвестно. Достоверно лишь, что ко времени образования Молдавского государства (середина XIV в.) они тут уже жили.)³, русские старообрядцы (с XVII в.), поляки, армяне, болгары, гагаузы (правда, их язык в переписи отмечен под именем турецкого), ромы, даже албанцы и швейцарцы.

Зато сами молдаване оставались в основном сельскими жителями. Еще с XVI–XVII вв. они массово бежали от турок и их ставленников в польские, а затем в русские владения. Та же перепись 1897 г. фиксирует их по всему Причерноморью. И вот какую картину рисуют выборочные данные:

Уезд	Всего молдаван	В том числе в городах
Подольская губерния		
Балтский	17583	10
Ольгопольский	8135	1
Ямпольский	50	4
Брацлавский	331	0
Херсонская губерния		
Тираспольский	59754	10734
Ананьевский	35833	4174
Елисаветградский	36819	1625
Одесский	7138	518
Таврическая губерния		
Днепровский	432	0
Мелитопольский	47	10
Бердянский	1508	6
Екатеринославская губерния		
Екатеринославский	1771	7
Бахмутский	6371	1
Славиносербский	839	1
Кубанская область		
Екатеринодарский	1056	23
Темрюкский	3393	20

И так далее. Как видим, и за пределами родины молдаване неохотно селились в городах. Доля городского населения среди молдаван за пределами Бессарабии и ближайших к ней уездов Херсонской и По-

дольской губерний велика лишь в двух случаях: либо их численность в целом мала - два-три десятка человек, и тогда это можно объяснить случайными факторами, либо она сопровождается ненормальным для добровольного переселения соотношением полов. Так, в губерниях Польши горожане составляли 31,7 % всех молдаван, но при этом отношение мужчин к женщинам - 40,2; в Карсской области - соответственно 93,6 % и 46,0 (из общего числа 47 человек), в Дагестанской области - 65,2 % и 15,5. Если учесть, что всё это были районы постоянной дислокации войск, то ясно, что речь идет о солдатах и офицерах, учтенных переписью по месту службы.

А теперь обратим внимание на следующее. К 1812 г. Молдова (включая Бессарабию) жила в условиях традиционного общества (термин Макса Вебера). Напомним, что это значит:

основа экономики - рутинное сельское хозяйство с экстенсивным развитием;

основные сословия - землевладельческая знать, обслуживающее ее интересы духовенство и крестьянство, все остальные группы примыкают к одному из этих основных сословий. Особенностью Молдовы было то, что, как во многих странах Азии, землевладельческая знать здесь превратилась в чиновную (по определению Николая Маврокордата, «боярин - это тот, кто служит»);

традиция и стабильность - ценности высшего порядка, любые перемены (в том числе социальная или территориальная мобильность) рассматриваются как угроза этому порядку;

любое качество человека (даже нравственное) рассматривается как наследственное и родовое, что отражает, в частности, феодальная геральдика с ее толкованиями гербовых фигур и цветов;

предел программы даже для движений социального протеста - крестьянская утопия с натуральным хозяйством;

города невелики и часто отличаются от села по этническому составу. Еще в 1643 г. почти половину населения Сучавы составляли армяне, а Бакэу и Тротуша - католики (венгры, немцы, отчасти поляки)⁴;

грамотная прослойка очень невелика и занята либо вопросами идеологии и религии, либо обслуживанием нужд различных канцелярий. По выражению Умберто Эко, в то время церковное и научное сообщества совпадали. Зато рыцарь, как правило, не умел считать (даже собственные долги), купец был далёк от философии, а для крестьян и ремесленников грамота считалась лишней роскошью.

Представителями этого типа общества в Бессарабии было в основном традиционное крестьянство и помещики, причем последние унаследовали от XVIII в. сильные фанариотские традиции. В городах же и хозяйствах колонистов зарождался иной тип общества - инду-

стриальный (опять же по Веберу), причем, хотя это происходило под влиянием России (особенно в результате открытия для региона громадного российского рынка), Бессарабия, в которой пережитки крепостничества были гораздо слабее, на этом пути опережала большинство российских губерний. Но переход к индустриальному обществу - это и переход к иному типу психологии и социального поведения.

Кратко и иронично выразил суть этого перехода американский историк Ю.Е. Слэзкин: «Модернизация заключается в том, что все становятся подвижными, чистоплотными, грамотными, говорливыми, интеллектуально изошренными и профессионально пластичными горожанами; в том, что культивируются люди и символы, а не поля и стада; в том, что богатства ищут ради образования, образования ради богатства и того и другого ради их самих; в том, что князья и крестьяне превращаются в учителей и торговцев, наследственные привилегии сменяются приобретенным престижем, а место общественных сословий занимают отдельные личности, малые семьи и начитанные племена (нации). Модернизация - это когда все становятся евреями»⁵.

Но такой переход порождал социальные конфликты, которые рано или поздно грозили стать национальными. Бурно растущие города и хозяйства колонистов прочно вступили на «американский» путь капиталистического развития. Эта часть общества тянулась за Россией и уже вместе с ней - за Европой. А молдавские села вокруг Кишинева еще сохраняли не только почти средневековый уклад, но и психологию аграрного общества, которую мы уже охарактеризовали выше. Здесь капитализм развивался по «прусскому» пути: не из фермерских хозяйств, а из помещичьих имений.

Во всех странах индустриализация разрушала такое патриархальное село. Немногие крупные хозяева становились фермерами, все остальные разорялись и раскрестьянивались. Мы уже знаем, что это естественный и неизбежный процесс, никем нарочно не задуманный. Но так ли его видит сам крестьянин? Что должен он думать о прогрессе, каждый шаг которого душит его все сильнее? Ведь ему понятно, что дешевый сельский товар и дорогой городской - не конкуренты, что любое техническое новшество лишь усилит его отставание от города. И что выжить в таких условиях может не рядовой царанин⁶, а только богатый и привилегированный колонист. То есть иноземец, лишь недавно поселившийся на этой земле.

Иными словами, в Бессарабии под складывающееся многоэтническое общество изначально была заложена та же бомба, что и в Австро-Венгрии. Либерального «равенства стартовых позиций» не вышло: эти позиции оказались зависящими от племенной принадлежности.

Правда, в то время эта бомба еще не грохнула. Даже кишиневский

погром 1903 г., с которого начинается череда открытых межнациональных конфликтов не только в Бессарабии, но и в России, не был массовым движением. Его организовали черносотенные помещики (капиталистическое развитие угрожало и их выживанию) при поддержке МВД. В течение почти всего XX в. народы края уживались мирно, поддерживая друг друга, а «решением национального вопроса» занимались сменявшие друг друга власти. Причем стоит заметить, что в пределах одного и того же уклада (например, между патриархальными крестьянами разных национальностей) конфликтов было гораздо меньше, чем на границах между укладами.

В наши дни Молдова близка к моноэтничным государствам: по данным переписи 2004 г., титульный этнос составляет три четверти населения. Однако город и село по-прежнему остаются двумя разными обществами в одном, как ни пыталась Советская власть уменьшить между ними разрыв. Дело даже не в языке (хотя по-русски постоянно говорит 34,37 % горожан и лишь 4,44 % сельчан), а в психологии: аграрного общества (основанного на власти традиций) или современного. При этом страна остается в основном сельской (61,4 % жителей) при огромной плотности населения - в среднем более 120 человек на квадратный километр без сколько-нибудь пустых пространств. В таких условиях разрушение колхозов означало неизбежный голод и массовое бегство из деревни. Но города Молдовы не в силах принять такую массу крестьян: их промышленность была ориентирована на союзный рынок и привозное сырье, она не пережила распада СССР. Это одна из причин громадных масштабов трудовой миграции. Едва ли не каждый четвертый трудоспособный молдаванин (любой национальности) временно или постоянно работает за рубежом.

Молдову иногда называют городом-государством: каждый пятый тут живет в столице. Лишившись тяжелой промышленности, Кишинев сохранил большую часть научного потенциала: чрезвычайно высок, например, уровень молдавских программистов, а разработки молдавских физиков и математиков использовались даже в советской космической технике. Однако даже сегодня, несмотря на усиленную компьютеризацию, проводившуюся при правительстве ПКРМ (2001–2009 гг.), Интернетом пользуется лишь 19,7 % жителей страны - это самый низкий показатель в Европе⁷. По скорости доступа (15 Мбит/с) страна опережает многие страны ЕС, а в СНГ уступает только России⁸. Но эта скоростная связь существует только в городах - в основном в четырех крупнейших (Кишинев, Бельцы, Тирасполь, Бендеры), причем последние два входят в состав Приднестровья и реально вообще не контролируются Молдовой. При этом, по данным кишиневской журналистки Ольги Падалко⁹, 61 % пользователей заходит все-таки

на сайты на русском языке. А это значит, что молдавское село живет еще в докомпьютерном мире и новости получает из старых источников: газет, радио, телевидения. Причем молдавское телевидение даже в своей стране не может конкурировать с российским и румынским. Уровень жизни и даже цен в столице уже приближается к европейскому - для жителей села это все еще мир иной. Иными словами, разрыв между городом и селом сохраняется. И хотя его причины уже не те, что в XIX в., но представить публике эти различия как национальные легко и просто.

Отсюда та расколотость молдавского общества, которая в 2009 г. привела к затяжному политическому кризису. Пока этот раскол сохраняется, пока Молдова продолжает делиться на зоны городской и сельской культуры, никакая стабильность здесь невозможна вообще. Но объединить общество можно по-разному. Либо поднять село до уровня города - это путь модернизации, путь перехода к производству современных технологий и к высокотехнологичному фермерскому хозяйству. Но такая перестройка может быть и очень болезненной: вспомним первые шаги индустриального развития любой страны, не исключая Англию и США. Либо опустить город до уровня большой деревни - под благовидными предложениями: традиции предков, национальные корни, сельская идиллия. Часть такого плана - демонтаж всего, что выходит за рамки такой идиллии, в том числе современной промышленности (кроме сборочных цехов), науки и системы образования (напомним, в аграрном обществе грамотность не была условием выживания, как в наши дни). Но это путь экономического регресса и зависимого развития, путь банановой республики, сохранение роли страны как резервуара дешевой рабочей силы, и в итоге - захват любым более удачливым соседом. Достаточно посмотреть на Запрутскую Молдову, ставшую за полтора века самой отсталой частью Румынии, страны и в целом-то небогатой.

Все это, однако, не нужно понимать прямолинейно. Как в деревне, так и в городе картина сложна, притом она накладывается на межэтнические проблемы. Так, внедрявшийся сверху национализм нашел для себя почву скорее в городе, где идеологическая обработка молодежи была последовательнее: в 2004 г. румынами признали себя 3,40 % горожан и лишь 1,39 % сельских жителей. К тому же никакая национальная идеология не перевешивает катастрофических для сельского хозяйства Молдовы последствий развала колхозов и предприятий агропромышленного комплекса, поэтому на выборах, начиная с 1998 г., больше всего голосов коммунисты собирали в сельской местности севера республики, где абсолютно преобладают этнические молдаване. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов сильную клановую традицию:

во многих случаях избиратели голосуют просто за односельчанина, не вдаваясь в его программу.

Хотел бы предостеречь от буквального понимания сказанного выше: различие между аграрной и современной психологией не определяется ни этничностью, ни наличием городской или сельской прописки. Тем более нельзя воспринимать борьбу архаического и современного уклада как борьбу абсолютного добра со злом. Речь идет лишь о четком определении фактора, без учета которого нельзя понять сложную реальность современной Молдовы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Дмитриев П.Г.* Народонаселение Молдавии (по материалам переписей 1772, 1773, 1774 и 1803 гг.) / АН МССР. Ин-т истории. Кишинев: Штиинца, 1973. - 155 с.

2. *Кантемир Д.К.* Описание Молдавии. Перевод с латинского Л. Панкратьева. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1973. С. 147.

3. *Романчук А.А., Таици И.Н.* 2010. Ранняя история украинского села Булашты в контексте истории Молдовы (XIV - начало XVII вв. от Р. Х.). Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 154.

4. История народного хозяйства Молдавской ССР (до 1812 г.). Под ред. П.В. Советова. Кишинев, 1976. С. 176.

5. *Слэзкин Ю.* Эра Меркурия: евреи в современном мире/ Авторизованный перевод с английского С. Б. Ильина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 9.

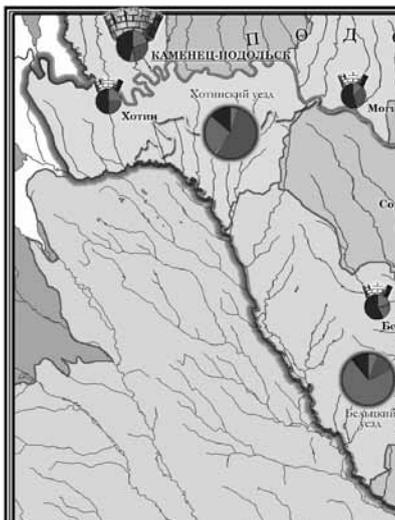
6. Напомним, что царанин - это крестьянин, лично свободный от крепостной зависимости, но арендующий помещичью землю и в качестве арендной платы несущий, по сути, крепостные повинности.

7. *Глебов А.* 2010. Сколько пользователей в Интернете (2009–2010). URL: http://www.promovare-site.md/view_article.php?id=5 (дата обращения 2010-05-19).

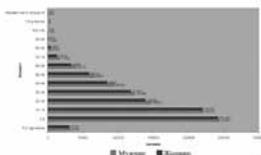
8. Количество пользователей Интернета в Молдове растет стремительными темпами // *Omega.md*, 29 мая 2009 г., 13:12. URL: <http://omg.md/Content.aspx?id=3238&lang=3> (дата обращения 2010-05-20).

9. *Падалко О.* 2010. Роль молдавских интернет-порталов в формировании общественного мнения. Дипломная работа. Кишинев: Высшая антропологическая школа (рукопись депонирована в архиве ВАШ).

ДЕМОГРАФИЯ БЕССАРАБСКОЙ по данным Всеобщей переписи

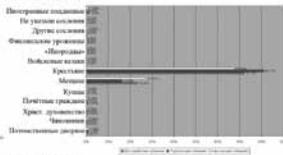

**Половозрастной состав населения
Бессарабской губернии**

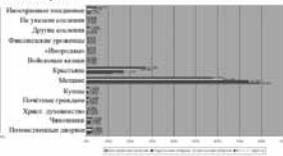
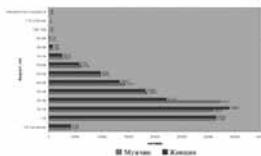

**Сословный состав населения
Бессарабии и смежных губерний**

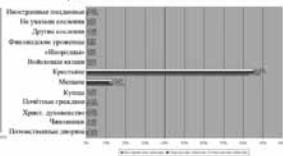
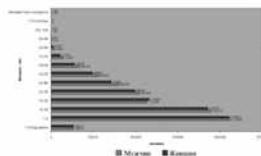
Губерния в целом

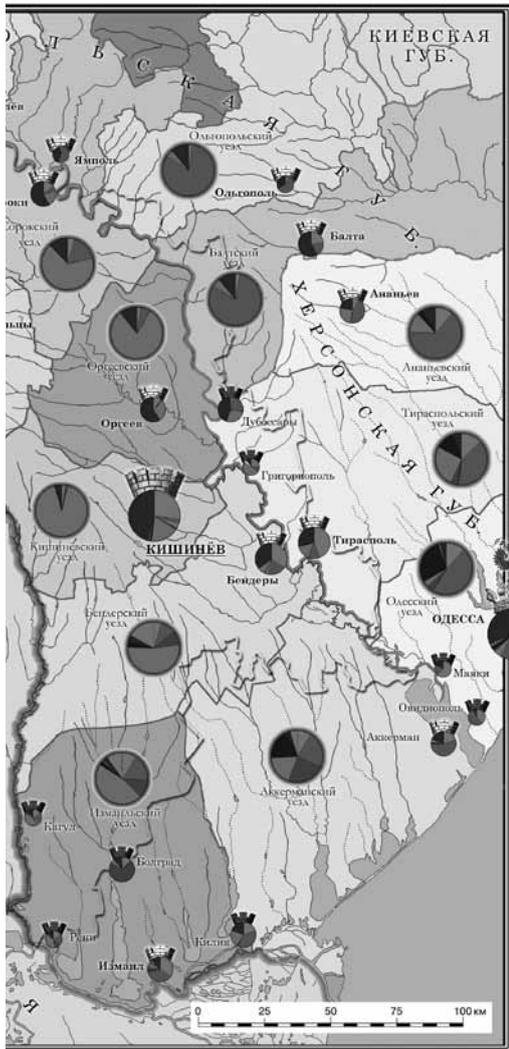
Только в городах

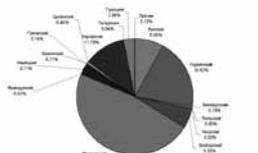
Только вне городов

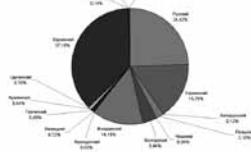
ГУБЕРНИИ И СОСЕДНИХ УЕЗДОВ населения Российской империи 1897 г.

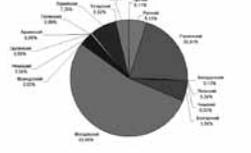
БЕССАРАБСКАЯ ГУБЕРНИЯ
В ЦЕЛОМ

ТОЛЬКО В ГОРОДАХ

ВНЕ ГОРОДОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Языки расположены в том порядке, в каком они перечисляются в публикации переписи 1897 г. (то есть по языковым семьям и группам, согласно тогдашним представлениям).
2. В материалах переписи отнесена единая графа «Молдавский и румынский» язык. Последнее относится прежде всего к Южной Бессарабии, входившей в состав Румынского государства как раз в момент его образования.
3. Статистика XIX века ещё не различала гагаузов как отдельную этническую общность и поэтому учитывала их язык как «турецкий». В правильном отношении из смешения с болгарами.
4. В графу «Прочие» включены этнические группы, представленные во всей Бессарабской губернии менее чем 200 лицами, а также лица, не указавшие свой родной язык.
5. Все приведенные данные могут быть проверены n/или уточнены на сайте: http://demoscope.ru/weekly/spr/rua_la_97_uzcd.php